

Нужны ли нам «права животных»?

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне!*

Сергей Есенин

Если бы Есенину захотелось романтично прокатиться гулкой ранью в современной Германии, ему пришлось бы долго бегать с бумажками по офисам и заплатить кучу налогов. И даже если бы Сергею Александровичу хватило на все это терпения и денег, на него наверняка настучали бы соседи за эксплуатацию лошади во внеурочное время и подозрительную окраску животного.

Права немецкого крота

Когда говоришь, что животные в Европе защищены законом так же, как люди, европейцы часто отвечают: «Что вы, животные защищены гораздо лучше». В этой шутке много правды.

Германия, как известно, — образец порядка и дисциплины. Если приехать туда из России на короткое время, ощущения самые приятные: полное впечатление всеобщего благоденствия, кажется, что лучшего и желать нельзя. Но те, кто прожил в Германии подольше, знают, что оборотная сторона этой идиллии — слежка всех за всеми и невероятное стукачество.

Бдительные соседи и прохождение контролируют в том числе и соблюдение прав животных. В Германии вы не можете сами убить мышь или крысу. Этим должны заниматься только специалисты, обученные гуманным методам. Если соседи видели, как ты прибил грызуна, — тебя ожидают неприятности с полицией.

Когда мне в первый раз рассказывали о законах по охране животных, я, честно говоря, поначалу не верил, что такое может быть. Оказалось, может. Кстати, хотя единого европейского законодательства по правам животных пока не существует, в целом ситуация схожая и в других странах Западной Европы.

Если вы решили завести кошку или собаку, крепитесь — вам предстоит суровые испытания. Для начала нужно доказать, что ваше жилье удовлетворяет необходимым условиям. Это значит, что к вам явится комиссия, начнет замерять

кубометры, потолки и т. п. Затем — оформить огромное количество официальных бумаг и получить лицензию на содержание животного. А потом еще платить налог! Деньги это в любом случае не маленькие, вдобавок налог пропорционален размеру животного. В Германии даже есть особый асоциальный типаж (как у нас хиппи или панки) — деклассированный элемент с огромной собакой. Суть протеста — в демонстративной неуплате налога на животное.

Столь же строго регламентируется разведение сельскохозяйственных животных. У каждой свиньи и овцы есть индивидуальный паспорт, который прикрепляется на ухо. Периодически на фермы набегает полиция и проверяет наличие паспортов. Не дай Бог, найдут свинью без документов! Эксплуатация служебных животных (например, лошадей) тоже регламентируется: они работают определенное количество часов, с перерывом на обед, заставлять их работать сверхурочно нельзя. Единственный вид сельскохозяйственных млекопитающих, которых можно содержать без лицензии и налога, — кролики.

Не покидает ощущение, что природа в Германии отгорожена от людей крепкими решетками. Охота и рыболовство строго лицензируются, за все надо платить. Отлавливать птиц вообще нельзя. У немцев уже сформировалась четкая позиция: дикое животное лучше не трогать, ни в какое общение с ним не вступать. Возьмешь в руки зверушку — вот и нарушение закона! С одной стороны, это хорошо: косули, кролики, гуси и лебеди спокойно живут в черте города, где в России такое увидишь? С другой стороны, люди полностью утратили связь с природой, никто не умеет распознавать лесных зверей и птиц, съедобные и лекарственные растения. Законодательно насаждаемая любовь к природе превращается в страх и отчуждение.

А как быть, спрашивал я, если, к примеру, ворона сама залетела к тебе в квартиру и стала там жить? Ты же ее силой не заставлял, ей самой так нравится! Оказывается, тут юридический тупик: как бы ты ни поступил, все равно будешь виноват. Если ты позволишь вороне жить у тебя, то нарушишь жилищные нормативы, соседи стукнут в полицию — и начнутся проблемы. А

если ты ворону схватишь и выбросишь на улицу, то это вообще статья, насилие над животным. Единственный выход — позвонить в специальную службу, придут эксперты и гуманно уговорят ворону вернуться на улицу.

Немецкие автомобилисты не могут найти управы на ласок. Этот маленький юркий хищник любит подлезать под машины и перегрызает там все что попало. Поставить капкан нельзя, загрязмишь в полицию. Приходится автолюбителям прибегать к уловкам — дежурить поочередно возле стоянки, придумывать всякие самодельные пугалки.

Еще одна категория населения, страдающая от звериного произвола, — фермеры и владельцы садово-огородных участков. Представьте себе, в Восточной Германии есть дачи прямо-таки в советском стиле. И страшная напасть, хорошо знакомая и нашим дачникам, — грозный зверь крот, который подрывает корни. Бороться с ним непросто, а в Германии еще и запрещено по закону.

Но немцы не растерялись. Донимают кроты — значит, пора устроить на даче вечеринку с музыкой и танцами. Народ пляшет, землю топчет, а кроты шума не любят — расползаются по соседям. Соседи, конечно, вызывают полицию. Ну а подозреваемый гордо отвечает: про кротов слыхом не слыхивал, зато страсть как люблю веселье. Полиция уходит несолоно хлебавши: как доказать, что дачник со злым умыслом кротов пугает, может, он и впрямь танцы любит?

Экзамен по белой мышши

Еще одна сфера взаимоотношений человека и природы не может не волновать ученых, особенно биологов: животные в эксперименте. За сотни лет ученые провели множество исследований на животных. Биологи, вопреки бытового мнению, обычно относятся к своему питомцам с симпатией и заботой, без всякого садизма. Вдобавок содержание животных и условия проведения экспериментов регулируются определенными правилами: симпатия или антипатия к зверушкам — частное дело исследователя, а законы соблюдать он обязан в любом случае.

Я хотел бы поговорить о правовой регуляции исследований на животных

«Эксперименты на обезьянах — безумие», — считают борцы за права животных

«Разве собака
похожа на тебя?
Она и реагирует
по-другому!»

РАЗМЫШЛЕНИЯ

в Великобритании. Объясню почему. Во-первых, я хорошо прочувствовал эту проблему «изнутри», занимаясь генетикой мышей в этой стране. Во-вторых, британское законодательство по использованию животных в научных целях — самое суровое в мире, и британские ученые этим заслуженно гордятся. Наконец, именно в Великобритании наиболее силен общественный накал вокруг проблемы.

Английская биологическая наука сосредоточена в университетах, государственных исследовательских организациях, таких, как MRC (Medical Research Council) и BBSRC (Biotechnology and Biological Sciences Research Council), клиниках и центрах здоровья, ими могут заниматься и частные компании.

Для того чтобы заниматься исследованиями на животных определенного вида, необходимо получить лицензию, которую выдает Home Office (аналог нашего Министерства внутренних дел). Прежде чем подавать заявку на лицензию, нужно пройти курсы и сдать экзамены. Курсы включают три модуля. Первый — по правам животных и соответствующим юридическим документам. Второй и третий — содержание животных и проведение экспериментов над ними. Скажу честно, сдать экзамены очень трудно, даже англичанам. Самый трудный — модуль по правам животных. Если же вы хотите вести собственный проект, а не работать в чужом, вам придется пройти дополнительный модуль.

Основной закон, регулирующий использование животных в научных целях, — «Animal (Scientific Procedure) Act 1986», он же ASPA 1986 (есть и другие законы, более специальные). Он рассматривает определенную группу животных, куда входят все позвоночные, кроме человека, а также осьминоги — их включили позднее под давлением общественности, мол, умные шибко, не глупее некоторых. Млекопитающие, птицы и рептилии охраняются законом с середины срока эмбрионального развития, а рыбы, амфибии и осьминоги — с момента, когда начинают самостоя-

тельно питаться. То есть, скажем, эмбрион мыши на десятом дне развития под закон не подпадает, а днем старше — уже подпадает. С холоднокровными рептилиями вообще как-то странно получается. У них ведь развитие эмбриона в яйце зависит от температуры, так что не очень понятно, когда наступает половина срока. Но это детали, а суть ясна: под строгой охраной законодательства находятся в первую очередь высокоразвитые животные.

Закон регламентирует обязанности и ответственность всех, кто работает с животными, а также все, что может причинить животному страдание, боль, стресс или остаточный вред. Интересно, что если животное убить гуманным методом (например, путем дислокации шейных позвонков), то с момента смерти оно уже не под защитой закона. Нельзя, не имея лицензии, взять у живого зверя пробу ткани, а вот у мертвого — пожалуйста. Кроме того, закон не рассматривает процедуры, связанные с содержанием животных. То есть если животное в виварии заболело, то можно спокойно сделать ему укол, не сверяясь с бумагами. А вот инъекция в научных целях — это эксперимент, значит, подпадает под действие закона.

Кроме того, что вам лично нужна лицензия, у вашего босса, как уже говорилось, должна быть лицензия на проект. А у института — еще и сертификат, держателем которого обычно бывает директор. Говоря упрощенно, лицензия начальника и сертификат включают как частный случай и мою лицензию на конкретное место и конкретный объект. Так как мой институт занимается генетикой мышей, мы с моим боссом можем работать только на мышах. Если я вздумую работать на крысах, то надо будет переформировать все бумаги не только для меня, но и для начальника, и для всего нашего института, и это потребует уймы времени и денег! На практике если нам действительно понадобятся крысы, то проще будет начать сотрудничать с кем-то, кто уже с ними работает.

Если вы нарушаете установленные законом правила, лицензию у вас отнимают. Теоретически могут отозвать лицензию на проект у вашего шефа, и даже сертификат на институт. Однако подобные скандалы — большая редкость.

В институтах есть еще и независимая организация по биоэтике (The Ethical Review Process), которая время от времени проверяет, не причиняете ли вы животным лишних мучений. Обычно в нее входят директор, ветеринар, ответственный за содержание животных, и другие специалисты.

Основное положение британской биоэтики просто и эффективно: всегда соотносить страдания животных и пользу для науки и человечества. Для этого надо помнить о правиле «3 R» — «replacing, reducing, refining». Говоря по-русски — во-первых, если возможно заменить животное в эксперименте, скажем, на культуру клеток, надо это сделать; во-вторых, использовать как можно меньше животных, в-третьих, свести для них к минимуму стресс и дискомфорт.

Как я уже упомянул, законодательное регулирование экспериментов над животными в Великобритании — самое строгое в мире. Например, только там существует система персонального лицензирования. Далеко не везде работают Комитеты по биоэтике и независимые инспекции. В Соединенном Королевстве также полностью запрещены физиологические эксперименты на человекообразных обезьянах, тестирование косметики и тест LD50, применяемый в токсикологии (когда оценивается доза яда, убивающая 50 процентов животных). И надо отметить, я никогда не видел у англичан неуважительного отношения к подопытным или их правам.

«Смерть биологу!»

Тем не менее в Британии много людей, которые считают, что правила надо еще ужесточить либо совсем запретить эксперименты на животных. И люди эти настроены так решительно, что подчас сами пренебрегают законами. Вы, наверное, уже догадались, что я говорю о борцах за права животных, экотеррористах и экорадикалах.

Тут надо сделать одно замечание. В своей статье я буду использовать эти термины как синонимы, хотя, конечно, не каждый борец за права животных потенциальный экотеррорист. Человек может считать, что эксперименты на животных надо запретить, и пропаган-

дировать свою позицию, скажем, митингуя на площади. Радикалом и террористом он станет, только если перейдет к противоправным действиям. Кроме того, деятели с приставкой «эко» больше занимаются спасением диких животных, а борцы за права животных в основном спасают подопытных от экспериментаторов.

Движение борцов за права животных напрямую связано с воззрениями эко-философов и экологов второй половины XX века. Одним из первых защитников прав животных считается австралийский мыслитель Питер Сингер, автор работ «Демократия и непослушание», «Практическая этика» и других. Мировую известность принесла ему книга «Освобождение животных» (1977). В этой книге Сингер вводит понятие «специцизм» — видовая дискриминация, по аналогии с расизмом и сексизмом. Специцизм — это когда один вид (то есть, как правило, человек) нарушает права других видов.

Эпохальными вехами в истории эко-философии стали книги Тома Ригана «Дело о правах животных» (1983) и «В защиту прав животных» (1985) и Эндрю Линзи «Божественные права животных» (1987). Том Риган, профессор философии Университета Северной Каролины, считает, что люди и животные имеют много общих свойств (например, память или способность желать) и на этом основании следует признать за животными те же права, что и за людьми. Эндрю Линзи, доктор теологии, обосновывает наличие прав у животных с христианских позиций: по его мнению, все существа, исполненные Святого Духа, имеют равные права.

Как видим, основатели идеологии прав животных были достойными людьми, хорошо образованными, с широким кругозором и глубоко этическим отношением к людям и миру. Чего не скажешь о некоторых их последователях.

В первую неделю моей работы в Великобритании я с удивлением заметил, что, как только на улице или в автобусе начинаешь говорить с коллегами о науке, они моментально умолкают и показывают жестами, что я должен быть осторожнее. Потом я узнал, что они всерьез опасаются активистов прав животных. Иногда мне напоминали, чтобы я не оставлял бумаги с адресом на своем столе: активисты могут заслать шпиона под видом уборщика. Замечу, что место действия — загородный кампус, в здании круглосуточная охрана, которая всех знает в лицо, и, чтобы пройти, надо иметь специальную карточку...

Но я не назвал бы страхи моих английских коллег беспочвенными. В Университете Саутгемптона экотеррористы взорвали биологический факультет, убили нескольких студентов. В другой раз они напали на профессора биоло-

гии и отрубили ему руку. Когда понимаешь, что против тебя действуют люди не совсем вменяемые, поневоле становишься осторожным.

Сейчас я живу в Оксфорде и работаю в исследовательском центре недалеко от него. Прошлым летом экотеррористы объявили графство Оксфордшир наиболее вероятной мишенью своих акций. Особенно «постарались» они в июле 2004 года. Университет Оксфорда решил построить новое здание для работы с животными: нечто вроде большого вивария, в котором содержались бы животные для разных факультетов и исследовательских групп. Работа была в разгаре, и вдруг руководители компании получили письма, в которых сообщалось, что, если строительство здания не будет остановлено, информация о нем попадет в открытый доступ и всем не поздоровится. Одновременно была организована блокада близлежащих зданий биологических кафедр: никому не позволяли пройти внутрь.

Строительство здания прекратили. Теперь никто не берется его достраивать даже за большие деньги. А экотеррористы, окрыленные успехом, продолжают свои акции.

Заменим крыс людьми?

Суббота 4 декабря 2004 года — день широко разрекламированной акции борцов за права животных. Иду с фотоаппаратом в сторону Научного парка — среди англичан любопытные вряд ли найдутся, но мне интересно. Чем ближе я к цели, тем больше кругом полиции. Здание обнесено забором, а на заборе — указ Суда ее величества, запрещающий подходить к стройке. Полицейши довольно много, но держатся вдалеке. Через дорогу, правда, стоит машина без опознавательных знаков. Отхожу чуть в сторону, делаю общий снимок здания. Грустно смотреть на этот унылый «долгострой». Здесь могли бы работать ученые, делать важные и нужные эксперименты... Но нет! Саботажники и шантажисты добились своего!

Подхожу к забору, чтобы запечатлеть для потомков указ. Но тут из черной машины выходят две милые леди в полицейской форме: «Сэр, можно вас спросить, что вы тут делаете?» — «Да так, — говорю, — хожу, фотографирую...» — «Сэр, вы должны покинуть это место! Мы ожидаем провокаций экотеррористов!»

Уныло бреду назад. С полицией спорить не принято. Впрочем, есть два утешающих факта. Во-первых, в России могли бы и морду набить, и камеру отобрать. А во-вторых, ведь это они меня, биолога, защищают от экстремистов.

Приближаясь к центру, замечаю, что полиция стало еще больше. Над городом кружат вертолеты, места, наиболее

подходящие для демонстраций, заблокированы гарантами закона, центр патрулируют наряды конной королевской полиции и даже спецгруппы на велосипедах (впервые в жизни такое увидел). Тут начинаю встречать и борцов за права животных. Поняв, что помитинговать им не дадут, они прибегли к остроумной тактике: группами по два-три человека разошлись по городу с плакатами и листовками. Вот женщина с плакатом «Animal tested drugs cause cancer!» — «Испытанные на животных лекарства вызывают рак!».

Что бы это значило? У кого рак — у животных или у людей, которые потом эти лекарства принимают? Наверное, все-таки второе. Мол, сколько ни испытывай лекарства на бедных зверушках, это не гарантирует безопасности. Неясно только, что делать, чтобы все стало хорошо, — пускать лекарства в продажу без испытаний, что ли? Но если лекарства оказались такими вредными после многолетних экспериментов на животных, что же будет без экспериментов?

Тут я увидел, что несколько активистов остановились и раздают пропагандистские листовки. Подошел, взял парочку. О чем пишут? Все о том же. «Эксперименты на обезьянах — безумие!» — на обложке симпатичная обезьянка в клетке. Вчитываюсь в текст. Обезьяны во многом не похожи на людей, мозг у них меньше — как будто бы все правильно. Но из этого выводится неожиданное следствие: эксперименты на животных надо прекратить. Людям не приходит в голову простая мысль: потому-то и существует наука биология, что некоторые результаты, полученные на одном объекте, можно распространять на другие. Классическая генетика сделана в основном на дрозофиле, эмбриология — на амфибиях, молекулярная биология и молекулярная генетика — на бактериях и вирусах. Тем не менее многие открытые этими науками принципы применимы и к человеку.

Вторая листовка. Симпатичная собачья мордочка, вопрос: «Неужели она похожа на тебя?» И неизбежный вывод: «Так она и реагирует по-другому!» Дальше знакомая песня: животные отличаются от человека, а потому все доклинические испытания лекарств надо прекратить. Хотя по сравнению с первой листовкой заметен прогресс — авторы задаются вопросом, что бы предложить взамен. И даже предлагают: сначала компьютерное моделирование и тестирование на культуре клеток, потом — испытание небольших доз лекарства на добровольцах.

Может быть, с точки зрения равенства животных перед Богом это и справедливо, но лично я не могу избавиться от пережитков специцизма. Людей-добровольцев, которые будут прове-

рять новые противораковые или другие сильнодействующие препараты, мне жалко гораздо сильнее, чем крыс и собак. И как быть с лекарствами, применяемыми в педиатрии и акушерстве, — их тоже испытывать на добровольцах? То есть на детях и беременных женщинах? Такого, пожалуй, не бывало со времен нацистских лагерей. Кстати, старина Мюллер, не тот, что в фильме про Штирлица, а реальный исторический Генрих Алоиз Мюллер, тоже, как пишут мемуаристы, любил животных, рыбок дома держал...

С такими грустными мыслями я побродил еще немного по городу и, убедившись, что полиция держит ситуацию под контролем, отправился на работу. Был выходной, но хотелось заняться делом.

О дальних последствиях

Мне самому доводилось общаться с борцами за права животных. Многие из них — умные и интересные люди, со своим особым отношением к жизни и ко всему живому. Единственное, чего у них нет, — целостной картины происходящего вокруг. Они даже и не пытаются ее выстроить. Впрочем, не одни они.

Думаю, что борьба за права животных, какой мы ее видим сегодня, — в значительной степени следствие инфантилизма, неспособности увидеть связь между процветанием и научно-техническим прогрессом. Людей не беспокоит, откуда берутся лекарства, одежда, еда, деньги в государственном бюджете. Жалко зверушек — давайте протестовать. Что-то изменится к худшему в результате наших протестов — станем протестовать против этих перемен.

В последнее время у нас тоже заговорили о правах животных, и, к сожалению, на том же невысоком интеллектуальном уровне. Здесь я хочу сделать оговорку: в России уже есть закон о жестоком обращении с животными, и это правильно. Если кто-то мучает живое существо исключительно из садизма, это должно быть пресечено. Однако большинство людей все-таки не садисты. Мы используем животных в пищу, держим их у себя дома, дрессируем собак и ездим на лошадях. И разумеется, современная цивилизованная страна немыслима без научно-технического прогресса, в частности без биотехнологий, фармацевтики, медицины и сельского хозяйства. Так вот, попробуем предположить, что произойдет, если права животных в России будут соблюдаться столь же строго, как в Европе. Я утверждаю, что, если нашей власти вдруг вздумается «подтянуть» законодательство в этой сфере к европейскому уровню, это приведет к самым плачевным последствиям.

Мы знаем, в каком состоянии сейчас находится наше животноводство. А бу-

дет еще хуже, если мы примем европейские стандарты паспортизации животных. Совершенно ясно, что возрождению сельского хозяйства это не поспособствует, зато пополнит карманы бюрократов.

Что касается науки, у нас в стране существуют определенные правила содержания животных и проведения экспериментов. В основном они касаются исследований, потенциально опасных, таких, как генная инженерия, изучение рака, инфекционных заболеваний. Что ж, законы эти разумны, и их надо соблюдать. Только не нужно копировать западную систему контроля и лицензирования.

Как ни тяжело современное положение российской науки, у нас есть и преимущества — большая, по сравнению с Западом, свобода творчества и менее жесткий бюрократический контроль. А если введут тотальную систему лицензирования, да еще платного (а бесплатным оно не будет, иначе зачем вообще лицензировать?), — это крепко придушит большинство лабораторий. Зато будем гордиться цивилизованностью наших законов...

Кстати, по моему мнению, лицензирование сильно бьет и по не столь бедной западной науке. Некоторые умеренные «борцы за права животных» говорят: «Я не против, когда преданные науке исследователи проводят эксперименты, желая помочь людям, облегчить страдание больных. Но вот чего я никогда не смогу принять — что фирмы, особенно косметические, мучают животных ради прибыли!» В этом есть логика. Однако своими протестами борцы за права животных могут добиться противоположного эффекта. Вряд ли эксперименты на животных совсем отменяют, зато могут сказать: «Под давлением общественности мы идем на компромисс — ужесточим лицензирование научной деятельности, чтобы животные меньше страдали». Понятно, что при ужесточении законодательства выиграет тот, у кого больше денег. За курсы, сертификацию, лицензирование, напомним еще раз, надо платить. Таким образом, крупные компании, в том числе производители косметики, улучшат свое положение, оттеснив небольшие исследовательские коллективы, а ученые-энтузиасты, напротив, проиграют.

Сегодня выходом для части наших биологов могло бы стать биологическое тестирование лекарств и косметики для западных компаний. Стыдно, конечно, плестись в хвосте у Запада, но это хотя бы позволит выжить. В любом случае относительная свобода проведения экспериментов над животными — наше потенциальное преимущество (на фоне огромного количества минусов — отсутствия финансирования, экспериментальной базы и реактивов, четкой стратегии у власть имущих, уважения к труду ученых...). Лучше иметь это преимущество, чем не иметь.

Нужно ли нам соблюдать права животных или нет? У меня предложение: займемся для начала охраной прав одного биологического вида — человека разумного, или *Homo sapiens*, принадлежащего к семейству гоминид (*Gominae*) отряда приматов (*Primates*). Давайте попытаемся обеспечить в границах Российской Федерации права представителей этого вида на жизнь, отдых, нормальное питание, нормированный рабочий день, свободу передвижения и тому подобное, а затем уже начнем переносить накопленный опыт на другие виды.

Что еще можно прочитать о правах животных

Сайт британского Министерства внутренних дел <http://www.homeoffice.gov.uk/rds/scientific1.html>

Питер Сингер. Освобождение животных. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 29. Киевский эколого-культурный центр. Киев. 2002

Том Риган. В защиту прав животных. Эндрю Линзи. Божественные права животных. Сокращенный перевод с английского А.Елагина и Е.Мигуновой. Охрана дикой природы. Вып. 37. Киевский эколого-культурный центр. Киев. 2004.

Борейко В. Е. Прорыв в экологическую этику. Киевский эколого-культурный центр. Киев. 2005.

